

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНТУРА СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

FORMATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CIRCUIT FOR STRUCTURAL MODERNIZATION

V. Scherbakov
A. Dubrovsky

Summary: The article examines the problems of structural modernization of the Russian economy in conjunction with the use of the potential of the fuel and energy complex. The regularities of structural modernization are revealed and the role of the fuel and energy complex, which is the most important structural component of the development of the country's productive forces, is determined. Formation of a trajectory of sustainable economic growth requires maximum efficiency in the use of fuel and energy resources and the potential of the energy sector. It has been substantiated that the low technical and technological level of the extractive and processing industries of the fuel and energy complex, imbalances in pricing, devaluation of the ruble do not meet the strategic goals of industrial development and the achievement of economic security.

Keywords: production, modernization, potential, fuel and energy complex, economic system, efficiency.

Щербakov Виктор Николаевич

Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ; в.н.с., Институт экономики РАН,
г. Москва

sherbakovvn@yandex.ru

Дубровский Андрей Викторович

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ, г. Москва

dav-rgsu@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы структурной модернизации экономики России во взаимосвязи с использованием потенциала топливно-энергетического комплекса. Выявлены закономерности структурной модернизации и определена роль топливно-энергетического комплекса являющегося важнейшей структурной составляющей развития производительных сил страны. Обосновано, что низкий технико-технологический уровень добывающих и перерабатывающих отраслей топливно-энергетического комплекса, дисбалансы ценообразования, девальвация рубля, не отвечают стратегическим целям развития промышленности и достижения экономической безопасности.

Ключевые слова: производство, модернизация, потенциал, топливно-энергетический комплекс, хозяйственная система, эффективность.

Преодоление проблем сложившейся экономической реальности обуславливает поиск тех направлений структурных преобразований экономики, которые обеспечили бы переход к новому технологическому укладу. Такая направленность перехода должна иметь системный подход к управлению процессом масштабных структурных преобразований в промышленности, предполагающий повышение эффективности использования ресурсного потенциала. [13, с. 45] Исследования последних трех десятилетий показывают, что установки по переводу экономики на новый мирохозяйственный и технологический уклады, обеспечению опережающего развития и т.п. не дали результата.

Анализируя с данных позиций проблему модернизационных преобразований российской экономики и промышленности, в частности, не трудно заметить, что негативные тенденции во многом определены макроэкономическими «несоответствиями» целевых интересов, которые отчасти унаследованы ещё с прошлых лет, отчасти сформировались в результате либеральных реформ продолжающих свое активное влияние на экономику сегодня.

Исследуя эффективность использования ресурсного потенциала по его структуре и в соотношении с развитыми странами, можно обратить внимание на резкие дисбалансы. Так, при значительном удельном весе природного капитала (более 40 % национального богатства), доля производственного капитала - 10 %, человеческого - 50 %. В сравнении, структура национального богатства США такова: производственный - 19 %, человеческий - 77 %, природный капитал - 4 %.

По оценкам экспертов, уровень эффективности использования ресурсного потенциала в российской экономике составляет: человеческие - на 15 %, финансовые - на 10 %, природные - на 25 %, а интеллектуальные только на 3,3%. Это подтверждает вывод о низком уровне освоения ресурсного потенциала - он составляет 18 % в среднем. В сравнении, в ЕС он оценивается в 78 %, в США - в 76 %, в Японии в 88 %. [12, с. 267]

Всё это подтверждает вывод о том, что принятые программы интенсификации технико-технологического комплекса, например, Стратегия 2020, не раскрывают внутренние резервы роста эффективной модернизации. Важной особенностью в этой связи, является отсутствие

побудительных мотивов у инвесторов и потенциальных собственников к экономическому росту не отдалённую перспективу.

Данная тенденция усугубляется ещё и той проблемой, что почти более половины валового продукта России (по экспертным оценкам - 60 %) формируется за счет экспорта сырья, а отрасли с высокой добавленной стоимостью – электроника, машиностроение - создают не более 7-8 % валового продукта. По оценкам Росстата экспорт высокотехнологичной промышленной продукции не превышает 2,5 % в структуре всего экспорта. Для сравнения, в Китае и США этот показатель превышает более чем в 10 раз. [5]

Апеллирование к потенциалу топливно-энергетического комплекса, способного в кратчайшие сроки решить накопленные противоречия структурных преобразованиях в технологическом кластере промышленного сектора тоже не выдерживает критики. Следует сказать, что резкое увеличение доли нефтегазовых доходов в бюджетах и в ВВП является сдерживающим фактором структурных преобразований, ибо Россия не определяет ценовую конъюнктуру на рынке углеводородов. [10, с. 202] Так, если до 2010 года шел прирост нефтегазовых доходов в среднем за год на 30%, подстегивая темпы роста экономики и амбициозные планы экономического сектора правительства, то после 2011г. темпы их роста многократно сократились, в связи с чем упала результативность стимулирующей роли, экономика перестала на него реагировать. Сегодня проблема обостряется замедлением темпов роста мировой экономики, трансформацией структуры потребления и понижением спроса на продукцию топливно-энергетического комплекса, перепроизводством углеводородов и, как следствие, сохранением цен на низком уровне.

В энергетической же стратегии России до 2020 года ставилась цель достичь максимальную эффективность использования потенциала топливно-энергетического комплекса, в связи с чем Президент РФ в посланиях Федеральному Собранию неоднократно заострял внимание на ускоренном технологическом обновлении энергетики. Между тем, имея в распоряжении богатейший топливно-энергетический потенциал, российская экономика отстает от передового уровня на десятилетия.

Особо следует остановиться на формировании так называемой «подушки безопасности» в виде резервных фондов. По итогам поступления валютных доходов от экспорта углеводородов в 2008г. резервные фонды были увеличены сразу на гигантскую сумму в 5,3 трлн. руб., что составило 73% от доходов федерального бюджета и 61% от всех инвестиций страны в основные фонды. Из 310 млрд. долл. нефтегазовых доходов по итогам 2008г. в резервные фонды было направлено 70%, что составило

214,5 млрд. долл., т. е. в резервные фонды ушел не только прирост валютных доходов в этом году в 91,5 млрд. долл., но дополнительно еще 123 млрд. долл., которые ранее тратились на развитие экономики. Развивающаяся голландская болезнь, изъятие огромных средств из оборота, как со стороны государства, так и бизнеса, не могло не отразиться на торможении развитии экономики. В результате темп роста инвестиций упал на 15,7%, промышленного производства на 10,3%, а темп роста ВВП сократился – на 7,8%.

Можно констатировать, что обрушение экономики носит закономерный характер. Ухудшение многих макроэкономических показателей связано не столько с мировым экономическим кризисом, сколько с контрпродуктивной экономической политикой, сфокусированной не на структурной модернизации обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей, а в основном на наращивании резервных фондов, социальных расходов посредством повышения пенсий, окладов в бюджетной сфере. Все эти расходы слабо влияют на темпы роста экономики. Более того, в результате обвала мировых цен на нефть стало очевидно, что для поддержания экономики на плаву резервные фонды уже не помогают, приходится использовать более радикальное средство – девальвацию рубля. Курс рубля по отношению к доллару за 2014-2016гг. был снижена в 2,1 раза с 31,8 до 67 руб., а в 2020г снижение составило еще больше.

В результате такой операции налоговые поступления в рублевом исчислении в федеральный бюджет даже подросли: в 2014г. по отношению к 2013г. на 1,5 трлн. руб., в 2015г. на 0,6 и в 2016г. на 0,4 трлн. руб. И, кроме того, это позволило к 2017г. увеличить по отношению к 2013г. объем накоплений в обоих резервных фондах на 4,4 трлн. руб. с 4,5 до 8,9 трлн. руб. [9]

Безусловно, данная операция привела к сбалансированности бюджета страны с последующим увеличением резервных фондов. С другой стороны, она «подкосила развитие» экономики. Дело в том, что дополнительные рубли оказались фиктивными с точки зрения инвестиционных возможностей, ввиду того, что доля закупаемого по импорту оборудования и других товаров за доллары для инвестиционной деятельности в среднем достигает 60% от общей потребности, а по некоторым отраслям доходит до 90%, по продовольствию, овощам и фруктам на импорт приходится примерно 40%.

В условиях же, когда перед российской промышленностью стоит стратегическая задача модернизации и создания заново отечественных производств многих видов продукции, требуется импорт передовых технологий и оборудования. Достичь это можно явно не ослаблением рубля, а наоборот его укреплением, формируя более дешевый импорт. [16, с. 56] Только после достиже-

ния приемлемого уровня количества и качества отечественной продукции, можно ориентироваться на положительное влияние девальвации, как это делает Китай.

В нашем же случае закупки импортного оборудования сократились в более чем 1,5 раза, причем платить за них пришлось в два раза больше в рублях, чем прежде. Эти процессы привели к резкому падению расходов бизнеса на инвестиции в оборудование, в обновление основных фондов, при том, что в два раза выросли расходы населения на импортные промышленные и продовольственные товары. С одной стороны, это неминуемо отразилось на снижении инвестиционной активности бизнеса, и как следствие, привело к падению темпов роста экономики, с другой стороны, произошло снижение покупательной способности основной массы населения и уровня его жизни. [1, с. 199]

Очевидным является то, что решением обозначенной проблемы является как можно быстрая перестройка структуры экономики в пользу обрабатывающих отраслей. Надо перестать копить деньги в фондах и загонять тем самым экономику в тупик, а начать их тратить на стимулирование развития экономики путем снижения налоговой нагрузки на бизнес и, в первую очередь, по обрабатывающим отраслям.

Недалековидность экономической политики проявляется и в предложениях наращивать объем Фонда Национального Благосостояния в 2021г.- до 13,7. а в 2022г. до 16,2 трлн. руб. Доля данных накоплений в общем бюджете должна составить в 2021г.- 65%, в 2022г. – 74%. [14, с. 640] Такие действия либерального блока российского правительства можно охарактеризовать, как «паранойей накопительства», патологическим страхом за свое будущее, а если быть еще более объективным, саботажем развития экономики страны.

Подтверждением низкой эффективности использования потенциала ТЭК в целях структурной модернизации является и несовершенство налогового законодательства. Так называемый «налоговый маневр» направленный на ликвидацию таможенных пошлин, взимаемых с поставок нефти и нефтепродуктов за рубеж и переноса их тяжести на налог на добычу полезных ископаемых, в результате является налогом на потребителей углеводородов: бизнеса и населения.

Сегодня уже можно подвести некоторые итоги по первому этапу налогового маневра, которые позволили увеличить налоговые доходы бюджета, но при этом привели к целому ряду негативных моментов в экономика страны.

В результате первых лет осуществления налогового маневра увеличилась сырьевая направленность разви-

тия, как в целом российской экономики, так и самой нефтегазовой отрасли. Если до налогового маневра в 2011-2014гг. объем переработки нефти на российских НПЗ возрастал, увеличившись на 12,6%, с 257 до 289 млн. т, а экспорт нефти, при росте ее добычи в стране, снизился на 8,6% с 242 до 221 млн. т, то за время налогового маневра эти положительные процессы в нефтяной отрасли пошли вспять. В 2015-2019гг. произошло увеличение экспорта сырой нефти на 31 млн. т и сокращение ее нефтепереработки на 7 млн.т.

В результате налогового маневра заметно ускорился в стране рост цен на моторные виды топлива: бензин, керосин, дизтопливо. Если до 2015г. рост цен на них отставал от уровня инфляции в стране, то в 2015-2019гг. они стали опережать ее темпы. В результате цена бензина для потребителей за эти годы возросла на 135%, дизельного топлива на 131%, сырой нефти – на 196%.

Чтобы предотвратить негативные тенденции в развитии экономики страны и нефтегазовой отрасли после вступления в силу второго этапа налогового маневра, правительство разработало механизм компенсации возрастающих издержек НПЗ и роста цен на топливо для потребителей в виде возвратных акцизов на нефть и для потребителей по топливу. Такие компенсации будут предоставляться тем НПЗ, которые производят бензин 5-ого класса в объеме не менее 10% от перерабатываемого сырья или тем НПЗ, которые перерабатывают более 600 тыс. т нефти и одновременно заключают договор с Минэнерго о модернизации собственного завода с капитальными затратами не менее 60 млрд. руб. и с выходом на производство бензина класса 5.

При внимательном анализе, идеологи проводимой в стране ценовой политики сами того не замечают, что эта политика вступает в противоречие с их же собственным постулатом, что «цены должны устанавливаться на цивилизованном рынке под влиянием спроса и предложения». [4, с. 908] О каком цивилизованном рынке можно говорить, если сами заранее планируем, что цены на топливно-энергетические товары должны расти опережающими темпами по отношению к другим товарам.

В доказательство данного утверждения, сотрудники Института Е. Гайдара в лице Бобылева Ю.Н., Идрисова Г.И. и Синельникова-Мурылева С.Г. привели статистику по структуре нефтепереработки и уровню мировых цен на нефть и нефтепродукты за последние годы. По их расчетам оказывалось, что стоимость выпускаемой продукции нефтеперерабатывающей промышленностью России, оцененной в мировых ценах, на более чем 10 млрд. долл. меньше от выручки в случае реализации перерабатываемой нефти на мировом рынке. Исходя из этого, делался вывод о том, что стране гораздо выгоднее продавать на экспорт нефть, а на вырученные средства

приобрести по импорту большее количество нефтепродуктов.

Утверждение сотрудников Института Е. Гайдара об экономической бессмысленности переработки нефти в России и колоссальных убытках, без какой-либо критической оценки, было подхвачено и развито в Минфином РФ. Одновременно аналогичную позицию заняли и эксперты Высшей школы экономики, РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Вместо того, чтобы предложить правительству заняться модернизацией нефтеперерабатывающей промышленности с помощью совершенствования налоговой политики и увеличения амортизационных отчислений, начать выпускать высококачественные нефтепродукты и сократить производство мазута, все эти организации предлагают нивелировать потенциал ТЭК. [15, с. 96]

Россия в этом плане, согласно рекомендациям, проводит прямо противоположную политику - наращивает экспорт нефти и сокращает экспорт нефтепродуктов, отказываясь тем самым от использования потенциала ТЭК для целей модернизации экономики. [3, с. 59] Так, при росте добычи нефти за 2010-2019гг. в 1,1 раза с 505 до 556 млн. т, экспорт нефтепродуктов виде автобензина, авиакеросина, дизельного топлива и мазута сократился в 1,4 раза с 106,6 до 78,9 млн.т.

Подвергая критике рассмотренные позиции в части определения роли топливно-энергетического комплекса в промышленной модернизации, особого рассмотрения требует положение, выдвинутое Е. Гайдаром, ставшее затем общепринятым, о том, что «формирование внутренних цен на энергоресурсы в России ниже мировых цен является механизмом субсидирования российских потребителей энергоресурсов». По мнению Е. Гайдара и его последователей, внутренние цены на нефть и нефтепродукты в России должны равняться мировым ценам, иначе происходит нечестная конкуренция со стороны нашей страны, т.к. продажа российских топливных товаров угнетает иностранных потребителей. Транслируя такую точку зрения, ее приверженцы, в первую очередь, заботятся не об экономической безопасности и повышении конкурентоспособности отечественной экономики, а о так называемых «партнерах» являющимися как минимум конкурентами.

Необходимо четко и навсегда осознать, что как только мы начинаем проводить политику ориентации внутренних цен на энергоресурсы на мировые цены, мы тем самым задаем экономике и сырьевой вектор ее развития и соответствующее место в международном разделении труда. И, если Россия не пересмотрит эту пагубную политику, то можно ожидать, что страна никогда не сможет побороть сырьевую направленность развития экономи-

ки и решить проблему технико-технологического обновления промышленности.

Практикой давно доказано, что отрыв цены от производственных издержек более среднего уровня рентабельности, несет в себе различные отрицательные последствия для экономики. [6, с. 94] А если этот разрыв наблюдается в отраслях с низкой добавленной стоимостью длительное время, то последствиями будут разбалансированность, деградация и разрушение экономики.

Именно такую ситуацию мы сегодня наблюдаем в России. Сложившаяся сегодня практика в ТЭК требует серьезной корректировки. Фактически осуществляется стратегия такой ценовой политики, итогом которой становится все большее ее отставание от уровня развитых стран по качеству жизни, уровню и качеству образования, производству высокотехнологичного гражданского оборудования и машин.

Подводя итоги по роли ТЭК в структурных преобразованиях экономики следует сказать, что рост внутренних цен энергоресурсов с ориентацией на мировой рынок или отказ от этой политики – это, по существу, выбор пути развития страны. Или она продолжит углублять свою сырьевую специализацию, или экономика будет развиваться комплексно и гармонично без подавления отраслей с высокой добавленной стоимостью.

Безусловно, ценовая политика в России не должна копировать мировые цены. Мировые цены формируются прежде всего под влиянием экономик развитых стран, в которых удельный уровень потребления энергоресурсов на душу населения в несколько раз превышает российский и для которых важнейшей задачей является прежде всего снижение энергоемкости экономики при сохранении достигнутого уровня душевого потребления, а для России важно одновременно снижение энергоемкости и повышение уровня потребления, как промышленностью, так и населением.

Представляется, что ценовая политика в ТЭК при ориентации к комплексному развитию своей экономики, должна быть производной от долгосрочной экономической и социальной стратегии развития страны. Если в этой стратегии будет определено какую отраслевую структуру экономики мы должны получить на выходе, если в ней приоритет получают наукоемкие и отрасли обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство, если в ней будет запланировано резкое увеличение переработки нефти и природного газа за счет сокращения их экспорта, то в этом случае вопрос об ориентации на мировые цены отпадет сам по себе. [2, с. 307] Потому что при высоких ценах на энергоресурсы никакой инновационной экономики построить невозможно. Следует не забывать, что обмен продуктов с высокой добавленной

стоимостью всегда был и останется более эффективным и прибыльным бизнесом по сравнению с торговлей сырьем.

Отказ от сырьевой специализации, конечно, приведет к сокращению рентных платежей в виде таможенных пошлин и НДС, однако эти потери будут потом многократно перекрыты поступлением налогов по другим направлениям. Экспертные оценки показывают, что только за счет прогрессивного изменения структуры, глубины переработки нефти и повышения качества нефтепродуктов, выручка от их продажи может увеличиться в 1,5 раза и превысить доходы от реализации сырой нефти. При этом инвестиционные затраты на прирост производства одной тонны нефтепродуктов примерно в 3,5 раза меньше, чем на прирост добычи 1 т нефти.

Следует отметить, что установление означенных «ценовых реперов» является сложной, но вполне выполнимой задачей, при решении которой должны будут учтены уровни потребления энергоресурсов населением и отдельными отраслями промышленности, динамика структуры топливно-энергетического баланса и целый ряд других факторов.

Цены – это объективная категория, их уровень и соотношение должны отражать реальные процессы, происходящие в экономике той или иной страны: сложившиеся отраслевые пропорции, достигнутый уровень производительности труда, энерго- и материалоемкости производства, фондовооруженности и конечно жизненный уровень населения. [8, с. 76] В силу этого обстоятельства, привнесение иного регулирования цен, приводит к нарушению хозяйственных связей, усилению диспропорций – повышению роли одних отраслей за счет других, ускорению темпов инфляции, замедлению темпов роста ВВП.

Важно отметить, что ни одна промышленно-развитая страна, ни в прошлом, ни в настоящем, не переносила и не переносит механически мировые цены на свою экономику. Снятие барьера для мировых цен в виде таможенных пошлин и ориентация на них внутренних цен в большинстве стран происходит постепенно, по мере того как собственная промышленность набирает достаточную силу для конкуренции с иностранными компаниями.

Детальная оценка приоритетов структурных преобразований промышленности и макроэкономических целевых установок говорит об их взаимосвязи с, главным образом, уходом государства от регулирующей роли системообразующих отраслей в промышленности, что, как следствие, приводит к разрушению технико-технологического потенциала и его ресурсной базы.

Таким образом, основным условием структурной модернизации экономики является нахождение инструментов и методов по эффективному использованию ресурсного потенциала, где рыночных стимулов как правило недостаточно и когда есть необходимость в мобилизации внутренних резервов, с высокой степенью их эффективности.

Научность такого подхода состоит в том, что он призван раскрыть цели модернизации на основе результативного оценочного критерия, в котором приоритет принадлежит «фактической производительности», а именно, повышению эффективности труда посредством количества, качества и времени.

Именно это дает возможность определить ценность и полезность потребляемого продукта по всему производственному циклу.

Рассматривая низкий темп роста экономического потенциала в промышленности не трудно заметить, что происходит явное рассогласование целевых установок в мотивационном интересе хозяйствующего субъекта. [7, с. 26] Поворотным моментом в повышении темпов роста эффективности, может сыграть изменение целевой функции, от которой и зависит собственно экономический рост и потенциал эффективности системы в целом.

Таким образом, очевидна необходимость углубления и обогащения принципов модернизации промышленности, в условиях нового технологического уклада, включая, в том числе исследование сложных функциональных особенностей экономического роста и развития. Очевидно, что экономический интерес должен связываться с целью и иерархией структурно связанных отношений. Научность подхода состоит в раскрытии мотивационных взаимозависимостей потенциала экономического роста от результатных показателей эффективности производственного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский, А.В. Концепция финансового капитализма и варианты перспективной модели экономики / А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство -2020.- № 2 (115). - С. 196-206
2. Ленчук Е.Б. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости. - СПб.: Алетейя, - 2016. - 336 с.
3. Макарова, И.В. Система приоритетов развития России. / И.В. Макарова // Научно-аналитический журнал «Актуальные проблемы социально-экономиче-

- ского развития России». - 2014. - № 1. - С. 57-60
4. Пасикун, В.Н. Методологические проблемы оценки эффективности инвестиционных проектов в промышленности / В.Н. Пасикун, А.В. Дубровский // Экономика и предпринимательство. - 2015. - №12-3 (65). - С. 909-912
 5. Россия, Китай и США в цифрах <http://chi.us.ru>
 6. Сопилко, Н.Ю. Основы управления производственными и материальными потоками / Н.Ю. Сопилко, Н.С. Щербакова. - М.: РУДН, 2019, 105 с.
 7. Сорокин Д.Е. О способности России к социально-экономическим трансформациям // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 23-28.
 8. Толкачев С.А. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6. С. 72-81.
 9. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>
 10. Щербаков, В.Н. Актуальные проблемы трансформационных процессов в промышленности и их влияние на экономический рост / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Экономика устойчивого развития -2020.- № 2 (42). - С. 197-204
 11. Щербаков, В.Н. Варианты инновационного развития промышленности / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский, К.В. Самсонов // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. - 2013. - № 4. - С. 9-12
 12. Щербаков В.Н. Инвестиции и инновации. Учебник / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский, К.В. Балдин и др.; под ред. В.Н. Щербакова. - М. : ИТК «Дашков и К°», 2018. - 658с.
 13. Щербаков, В.Н. Политическая экономия в контексте альтернатив развития. Монография - М. : ИТК «Дашков и К°», 2019. - с. 642
 14. Щербаков, В.Н. Трансформация экономики в лабиринте финансовых манипуляций / В.Н. Щербаков, А.В. Дубровский // Самоуправление -2020.- Т.2, № 2.(119) - С. 638-642
 15. Щербакова Н.С. Направления повышения эффективности деятельности в области государственного регулирования ТЭК // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2 (96). С. 27.
 16. Щербакова Н.С. Тенденции развития системы денежно-кредитного регулирования в России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 11(83). С. 56.

© Щербаков Виктор Николаевич (sherbakovvn@yandex.ru), Дубровский Андрей Викторович (dav-rgsu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

